ТРЕТИЙ БЕРЕГ

Alex Sonner

Третий берег

«Автор»
2026

Sonner A.

Третий берег / A. Sonner — «Автор», 2026

В ближайшем будущем человечество получает возможность, о которой мечтало веками: один раз в жизни каждый человек может заглянуть за горизонт собственного выбора и увидеть, к чему приведёт то или иное решение. Постепенно редкое право превращается в общественный ритуал, а вероятное будущее — в предписанную судьбу. Люди выбирают профессию, любовь и жизненный путь, доверяя безошибочным расчётам системы.Но что произойдёт, если однажды человек обнаружит, что ему показали не все варианты? И хватит ли у него мужества отказаться от безопасного будущего ради пути, которого не существует ни в одном прогнозе?«Третий берег» — научно-философский рассказ о свободе воли, цене предвидения и выборе, который человек совершает даже тогда, когда решает не выбирать.

© Sonner A., 2026
© Автор, 2026

Alex Sonner
Третий берег

ТРЕТИЙ БЕРЕГ

Научно-философский рассказ

«Будущее не обязано совпадать со своим описанием»

I

. Одно право

К середине века люди научились заранее узнавать почти всё, кроме того, что им действительно хотелось знать.

Дом сообщал хозяину о болезни за несколько месяцев до первых симптомов. Город видел дорожную аварию, когда автомобили ещё стояли в гаражах. Брачные службы вычисляли продолжительность любви с точностью, которой прежде могли похвастаться только страховые компании. Школы уже в двенадцать лет знали, кем ребёнок, скорее всего, станет, а в семнадцать — кем он, скорее всего, не станет никогда.

Неопределённость отступила, но не исчезла. Она просто ушла туда, где вычисления становились слишком дорогими: в человеческий выбор.

Там её и обнаружили.

Открытие сначала называли эффектом обратной тени, затем — управляемой контрфактической проекцией. Окончательное имя придумали журналисты: Горизонт. Оно оказалось короче формул и честнее рекламных слоганов.

Горизонт не показывал будущее. Это было первым, что объясняли каждому посетителю, и последним, о чём тот вспоминал, выйдя из Центра выбора. Система брала одно реальное решение, которое человек мог принять сейчас, строила две наиболее устойчивые линии событий и позволяла прожить их — не целиком, конечно, а узловыми эпизодами. Семь минут в кресле превращались в годы чужой и одновременно собственной жизни.

Закон разрешал пройти процедуру только один раз.

Официально ограничение объясняли нагрузкой на мозг. Неофициально — страхом. Первые испытатели, получившие возможность возвращаться к Горизонту, вскоре переставали решать что-либо без него. Они часами стояли перед витринами, не в силах выбрать хлеб, если рядом не было аппарата, который показал бы последствия покупки. Один из них умер от обезвоживания, выбирая между двумя стаканами воды.

Так появилось Право единственного взгляда: личное, неотчуждаемое и не подлежащее восстановлению. С двадцати одного года каждый мог один раз заглянуть за развилку собственной жизни.

Мог — но не был обязан.

Именно эта последняя оговорка со временем стала раздражать общество сильнее всего.

Андрею Ланскому было сорок семь, и его право оставалось неиспользованным.

Белое кольцо вокруг фотографии в его гражданском профиле вызывало у людей то же любопытство, какое прежде вызывало обручальное кольцо или его отсутствие. На деловых встречах собеседники незаметно смотрели на его запястье: там, в тонкой стеклянной полосе идентификатора, горела белая точка.

— Всё бережёшь? — спрашивали его.

— Всё живу, — отвечал Андрей.

Ответ считали остроумным, хотя он не шутил.

II

. Город, выучивший завтра

Андрей работал в Институте перспективной этики — сером здании без острых углов, возведённом на месте старого вокзала. Поезда теперь проходили под землёй, а над ними росли сады, очищавшие воздух после летних пожаров. В июле над городом натягивали климатическую мембрану. Она задерживала жар, пыль и часть солнечного света, отчего полдень напоминал раннее утро.

Люди привыкли к мягким теням. Прямое солнце стало казаться им грубым.

Институт рассматривал споры о Горизонте. Можно ли показывать ребёнку будущее развода родителей? Имеет ли врач право рекомендовать пациенту потратить единственный взгляд на выбор лечения? Должен ли обвиняемый сообщать суду, что видел последствия преступления и всё же совершил его? Допустимо ли работодателю предпочесть кандидата, уже использовавшего своё право, — человека, от которого не ждёшь внезапной смены судьбы?

Последний вопрос особенно занимал корпорации. Неиспользованный Горизонт стал разновидностью скрытого риска.

Андрей возглавлял отдел пределов предвидения. На его столе лежали дела людей, которые жаловались не на ошибку системы, а на её точность.

Женщина выбрала мужа, потому что увидела их счастливую старость, и двадцать лет ненавидела каждую прожитую с ним минуту: счастье ожидало её только в конце. Молодой хирург отказался от музыки, увидев, что в медицине спасёт тысячи жизней; теперь он спасал их безупречно и каждый вечер плакал в пустой репетиционной комнате. Учительница выбрала город, где должна была встретить любовь, но, узнав лицо будущего возлюбленного, превратила встречу в исполнение инструкции. Через одиннадцать лет мужчина ушёл от неё со словами: «Ты никогда не знакомилась со мной. Ты меня узнала».

Система не ошиблась ни в одном из этих случаев.

И всё же Андрей помечал дела словом «ущерб».

— Ты судишь инструмент за то, что люди не умеют им пользоваться, — говорил Кирилл Морозов, создатель Горизонта и давний друг Андрея. — Молотком тоже можно разбить палец.

— Молоток не показывает, каким счастливым станет палец, если по нему ударить.

— Значит, нужна грамотность предвидения.

— Или грамотность незнания.

Они спорили почти двадцать лет, с тех пор как работали в одной университетской лаборатории. Кирилл верил, что свобода — это возможность принять решение с максимально полным знанием. Андрей считал, что полнота знания меняет того, кто решает, и потому уничтожает сам предмет измерения.

Оба были правы, и это делало их спор долговечным.

В то утро Кирилл пришёл без предупреждения. Он постарел красиво: седина лежала ровной полосой над висками, дорогие искусственные хрусталики делали глаза слишком ясными. В руках он держал бумажную папку — жест почти театральный в мире, где бумагу использовали только для завещаний, признаний в любви и политических угроз.

— Через шесть дней Совет голосует за Протокол обязательного предвидения, — сказал он.

Андрей не открыл папку.

— Я читал проект.

— Тогда знаешь, что речь идёт только о решениях высокого воздействия. Управление транспортными сетями, распределение воды, генетические вмешательства, крупные финансовые операции…

— И выбор опекуна. И отказ от рекомендованного лечения. И переезд с ребёнком.

— Решения, цена ошибки в которых ложится не только на того, кто выбирает.

— Поэтому вы хотите заменить право обязанностью.

Кирилл сел напротив.

— За двадцать три года пользователи Горизонта предотвратили четыре войны, две эпидемии и не меньше восьмисот тысяч преждевременных смертей. В городах, подключённых к системе, вдвое меньше тяжких преступлений. Ты правда считаешь, что священное право человека ошибаться важнее всех этих людей?

— Нет, — сказал Андрей. — Я считаю опасным право государства решать, кому запрещено не знать.

Кирилл подтолкнул папку к нему.

— Здесь заключение Института. Твоя подпись последняя.

— Я не подпишу.

— Поэтому я и пришёл. Без твоей подписи Совет всё равно примет протокол. Но с твоим публичным возражением он может отложить решение. Начнётся проверка, система потеряет год, возможно два. За эти два года погибнут люди, которых можно было предупредить.

— А если протокол примут?

— Люди тоже погибнут. Только меньше.

Кирилл всегда умел произносить страшные вещи голосом врача, называющего дозировку.

У двери он остановился.

— Андрей, ты всю жизнь рассуждаешь о цене предвидения, но ни разу не платил её сам. Может быть, пора воспользоваться своим правом?

Белая точка на запястье Андрея отразилась в прозрачной двери.

— И что мне спросить?

— Спроси, что будет, если ты остановишь протокол. И что будет, если позволишь нам его принять.

III

. Нулевая поправка

Вечером Андрей поехал к дочери.

Лида жила на окраине, в доме, напечатанном из переработанного бетона. Стены медленно накапливали дневное тепло, на крыше гудели ульи с механическими пчёлами. Настоящие пчёлы тоже существовали, но их берегли для заповедников и торжественных опылений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.